

Эта глава составлена из статей бывших зенитчиков и зенитчиц, оставивших свои воспоминания о незабываемых днях войны, участниками и участницами которых выпало на их долю быть. По мере возможности, собраны воспоминания тех участников, которые защищали Мурманское небо. Из различных источников удалось выяснить, что накануне войны Мурманск, Колу и Мурмаши прикрывал 33-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион (ОЗАД). Охраняемое воздушное пространство было неохватное. Зенитчики Северного флота прикрывали свои объекты. И, уже в ходе войны формировались или перебрасывались из других фронтов дивизионы и зенитные полки для усиления прикрытия объектов Мурманска. Надо заметить, к началу войны Мончегорск, Кандалакша и другие населенные пункты, имеющие военное значение, не имели прикрытия от нападения с воздуха. И еще одно замечание: в ходе войны зенитные части неоднократно перебрасывались и перебазировались.

И.Шамякин

Шамякин. народный писатель Белоруссии, Герой Социалистического Труда.
«Зенитный щит над Мурманском» (Из книги Внимание! Воздух!): «Призвали меня в Красную Армию осенью 1940 года»...Мы, призывники, узнав, что направляют в Заполярье, многие приуныли. Кольский полуостров казался краем земли, откуда и до полюса рукой подать. Но, оказавшись в Мурманске, ободрились: здесь, как и всюду, текла нормальная жизнь таких же, как везде, советских людей»... Правда, тогда, в конце октября, уже выпал снег, и мы в своем допризывном обмундировании, брезентовых штиблетах и стареньких пиджачках, нещадно мерзли: мало кто догадался взять с собой в армию пальто.

Попали мы в 33-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион. Он состоял из трех батарей 76-миллиметровых орудий, пулеметной и прожекторной рот. Штаб располагался

в Коле. Там же стояла одна из батарей - вторая. Первая батарея занимала позиции в Мурмашах, прикрывая аэродром и Туломскую ГЭС. Моя третья батарея дислоцировалась в Мурманске, охраняя порт. По соседству стояла одна из зенитных батарей Северного флота. Морские артиллеристы располагались также в Ваенге и где-то еще ближе к побережью.

33-й ОЗАД был главной силой наземной противовоздушной обороны, прикрывавшей небо обширного района. До войны и в начале ее во главе дивизиона стоял майор Ермошкин (к сожалению, запомнил его имя-отчество), кадровый командир, имевший боевой орден за героизм, проявленный в финской кампании.

Призывников, имевших неполное высшее и среднее образование, вскоре направили на первую батарею. В том числе и меня. Батарею сделали учебной, в ней готовили младших командиров. Командовал батареей молодой лейтенант, армянин Папик Матевосович Тамразян, умный и добрый человек.

Повезло нам и на командира взвода. Лейтенант Кабанов, внешне молчаливый, строгий, был справедлив и заботлив. Эти его душевные качества особо проявились, когда Кабанов стал командовать дивизионом. А в зенитные части начало поступать необычное пополнение, девушки.

Служба на учебной батарее была тяжелой. Почти каждую ночь боевые тревоги: после сигнала требовалось за две минуты выбежать из землянок и привести в боевую готовность орудия и приборы. А днем по 12 часов занятия: теория ведения огня, устройство ПУАЗО, дальномера, пушек, личного оружия, физическая и строевая подготовка. Занимались много, но при всем этом, учитывая последующий опыт войны, считаю, что учили нас плохо.

Да, теории и всего прочего хватало. Мы даже стали хорошими лыжниками, совершали переходы по 20—30 километров. Только вот за восемь месяцев учебы один-единственный раз стреляли боевыми снарядами по «колбасе» и, между прочим, не попали, что, по идее, должно было насторожить командование. Второй раз мы стреляли 18 июня 1941 года - по самолету советской конструкции и с нашими опознавательными знаками. В течение двух суток этот самолет несколько раз появлялся над Мурманском и Мурмашами, не давая сигнала «Я - свой». Нашим командирам, видимо, нелегко было решить, что над нами замаскировавшийся враг, немецкий или финский разведчик. И, тем

не менее, они приняли решение об открытии огня. Самолет, к сожалению, мы не сбили, но больше он не появлялся. Все успокоились: с Германией же пакт о ненападении!

И теперь, по истечении стольких лет, я не перестаю недоумевать, почему наш дивизион, прикрывавший столь важные объекты, утром 22 июня не был поднят по тревоге. В это трагическое воскресенье зенитчики после завтрака отсыпались, приводили себя в порядок, писали письма. О начале войны с Германией мы, как и все население страны, узнали из выступления В. М. Молотова по радио. Между прочим, на батарее я первым услышал эту речь. Как раз в полдень, отбывая внеочередные наряды, полученные за чтение посторонней книги на политзанятиях, я убирал командирскую землянку, где был репродуктор.

Лейтенант Тамразян передал известие о нападении Германии в штаб дивизиона и объявил боевую тревогу. Расчехленные приборы и орудия батарейцам долго пришлось чистить. По строгим уставным правилам, ржавчина даже на «лапах» орудий считалась чрезвычайным происшествием.

Первый налет на аэродром в Мурмашах фашисты предприняли в ночь на 24 июня. Слово «ночь» надо понимать относительно, ибо светило солнце. Налет был массированным, напали, по меньшей мере, десятка два «Юнкерсов-88», «Хейнкелей-111» и «Мессершмиттов-109». Бомбили они летное поле беспощадно, многими заходами. Немало наших истребителей сгорело на земле, взорвался склад с горючим. Беспомощность наших самолетов в воздушном бою, как и наше неумение вести огонь прямой наводкой, производили гнетущее впечатление. Быстрые и верткие «Мессершмитты-109» безнаказанно «срезали» наши И-153, И-16, которые явно уступали им в скорости. Сказывался, конечно, и боевой опыт фашистских летчиков, полученный в боях с авиацией Польши, Франции, Англии.

Надо добавить, что «Мессершмитты» не только вели воздушные бои, но и обстреливали батарею, расчет зенитного пулемета. В тот день была подана единственная за всю войну команда «В укрытие!» - команда, которой затем долго стыдились и наши командиры, и мы, боевые номера, хоть она и значилась в правилах ведения боя. Обнаружились слабые места боеподготовки. Заряжающие, которые, тренируясь на занятиях, имели дело с пустыми гильзами, не досылали 16-килограммовый снаряд до конца, и затворы заклинивало.

Бомбили немцы долго. На батарею успел приехать из Колы командир дивизиона. Он-то и заставил выбивать застрявшие снаряды банником, что правилами категорически запрещалось. Когда я влез на бруствер, чтобы выбить снаряд, пулеметной очередью пересекло банник, а я скатился в котлован под ноги майору. Командир подхватил меня: «Жив, ефрейтор? Долго будешь жить».

В первые недели войны немцы почти не бомбили Туломскую ГЭС и ее поселок. Основные удары они наносили по аэродромам, а в Мурманске по железнодорожной станции и порту. В боях с вражескими самолетами удивительно быстро росло мастерство зенитчиков, командиров и бойцов. Батарея, стоявшая в Мурманске, сбила вражеский самолет на второй день войны. Наша учебная батарея на пятый. Через какие-то две-три недели фашистские самолеты уже не «лазили» по крышам, не расстреливали с бреющего полета любые цели, включая детей на улицах Мурманска. Мы вынудили немцев подняться на высоту, с которой бомбы не могли ложиться с прежней точностью, а о стрельбе по целям и говорить нечего.

Забегая вперед, скажу, что, потеряв надежду взять Мурманск, гитлеровцы начали ожесточенно бомбить Туломскую ГЭС, чтобы лишить город единственного источника электроэнергии.

Но как бы там ни было, зенитчики не зря ели свой хлеб. *Из высказываний ветеранов-летчиков.*

«Мне проще встретиться с тремя вражескими истребителями, чем попасть под зенитный огонь. От разрывов — нет маневра. Где они вспыхнут в следующий миг, и богу неизвестно». Не сомневаюсь, что страшились зенитного огня и фашистские асы.

###

Воспоминания И Шамякина. «Вспоминается, что в 1942—1943 годах железнодорожный мост через Ковду обороняла приданная нашему дивизиону батарея 37-миллиметровых пушек. В то время фашистская авиация прямо-таки зверствовала, нанося удары по судам в Баренцевом и Белом морях, по железнодорожной магистрали, бомбила даже наблюдательные посты. Так вот, за время, когда Ковду прикрывала наша батарея, немецкие летчики сбросили на мост семьсот бомб, но движение поездов не было прервано ни на одни сутки.

Бои с авиацией противника происходили каждый летный день. Правда, к нашему облегчению, случалась нелетная погода. Немцы сменили тактику: массированные налеты были редки, но два-три пикировщика появлялись аккуратно, как по расписанию, и, кроме бомб, для психологического эффекта сбрасывали пустые бочки, рельсы, которые зловеще выли. Но устроить зенитчиков немцы уже опоздали. К тому времени даже при воздушном штурме батареи никто не прятался в укрытие. Мужественно, как и воины, выполняли свой долг и жители города: трудились в порту, на железной дороге, на заводах, строили укрепления на западном берегу Кольского залива. И мужчины, и женщины проявляли удивительное бесстрашие.

Самым тревожным был сентябрь 1941 года. Гитлеровским войскам удалось прорвать фронт, и они двинулись по дороге к Мурманску. Усилились налеты вражеской авиации на город. Были усилены и части ПВО. Сформирован 426-й отдельный зенитный дивизион. Туда из нашего дивизиона направили немало средних и младших командиров. Однако зенитных средств явно не хватало. Надежно прикрывать нам удавалось лишь станции в Коле и Мурманске, где шла разгрузка военных эшелонов с пополнением.

К середине сентября обстановка осложнилась настолько, что командование ПВО посчитало необходимым перебросить две батареи нашего дивизиона на западный берег. Мы расположились у Петсамской дороги и стали усиленно тренироваться в стрельбе по танкам.

Очень запомнились мне, командиру орудия, эти дни, проходившие в мучительном ожидании большой трагедии и заполненные трудностями полевой жизни. Рано дохнули морозы, выпал снег. Хотя землянок мы не строили, но копали много, рыли окопы, готовясь встретить врага не только залпами пушек, но и огнем винтовок и пулеметов. Спали прямо на снегу. Некоторые обмороживались. Случались дни, когда не было буксиров для переправы и прекращался подвоз продовольствия. (В то время не было еще моста в Коле через залив. АС).

В романе «Зенит» И Шамякин возвращается к эпизоду подготовки зенитчиков к отражению танков. «Почему-то хотелось схватиться именно с танками. Хотя бы раз увидеть, как загорится танк. Будто земная броневая машина страшнее и важнее самолета! Горящие самолеты с крестами на крыльях я видел сотни раз. Немало дивизион сбил их, когда я был командиром орудия, а потом, огневого взвода. Конечно, неизвестно, снаряд какой батареи, какой пушки попал... Возможно, поэтому и хочется

ударить по танку, чтобы увидеть в оптический прицел, что загорелся «тигр» или «фердинанд» от снаряда, выпущенного именно тобою. Нет. Скорее желание это - от другого. На танки у меня особая злость. Только в кинохронике я видел фашистские танки, а зло на них имею. Из-за них я пережил страх, за который мне и через три года стыдно.

В сентябре сорок первого егерские дивизии (в Заполярье Гитлер бросил своих земляков - австрийцев) прорвали нашу оборону под Петсамо; по дороге на Мурманск авиаразведка выявила танки. Пospешно, в одну ночь, хотя в это время она уже была длинной, две батареи нашего дивизиона перебросили на западный берег Кольского залива. Батарею, в которой я командовал орудием, выставили километрах в пяти от залива, и мы заняли необычную для зенитчиков позицию - все четыре орудия стали в одну шеренгу вдоль дороги, держа виток ее на ближней сопке под прицелом. Передислокация страшно измучила и бойцов, и командиров. Тяжелая погрузка и разгрузка на баржи, рытье котлованов для пушек (ПУАЗО 1). (ПУАЗО - прибор управления артиллерийско-зенитным огнем), КП 2, при этом орудия закапывали глубже, чем это необходимо для стрельбы по самолетам.

А грунт - одни валуны, некоторые вытаскивали из котлована трактором. Да и мягкий пласт земли промерз - наступила ранняя заполярная зима. Дул холодный ветер. В полночь командиров собрал комбат лейтенант Савченко, чтобы прочесть инструкцию стрельбы по танкам.

В командирской палатке было холоднее, чем в котловане, пробирались сквозняки. Аккумуляторы жалели, сидели при «летучей мыши». У Савченко, умевшего подавать самые звучные команды, казалось, слиплись губы и слова цедились невразумительно. А еще, сидя рядом, почувствовал я, что у него стучат зубы. Тогда они заклацали и у меня. От холода? Нет, конечно же, от страха. Казалось, все слышат это клацанье. Гадко. Позорно. Но в палатке еще как-то обошлось. Хуже, что лихорадка не прошла и тогда, когда я вернулся к своему орудийному расчету, получив приказ тут же, незамедлительно, не дав людям отдохнуть, начать учить их стрельбе по танкам при свете налобных фонариков установщиков трубки.

«Цель поймана!» — не кричит, как при предыдущих тренировках и боевых стрельбах, а сипит наводчик, мой заместитель и земляк Иван Хадыко. Простудился? Нет! Лихорадочно бренчит под ним железное сиденье. Так подбрасывало и меня 24 июня при первом налете, в первом нашем неумелом бою с дико наглыми «хейнкелями» и «мессерами», бомбившими аэродром и обстреливавшими батарею из пулеметов. Но там,

кажется, страх длился один миг. А тут? Сколько он может продолжаться? До прорыва танков? До настоящего боя с ними? А когда они появятся? Днем? Послезавтра? Через неделю? Лучше бы поскорее. Не покидала навязчивая мысль, что это будет последний бой. Мы - смертники. Отступать некуда. Кольский залив не переплывешь. А если и посчастливится переправиться на тот берег - спасения все равно не будет. Немцы - не дураки. Они начнут штурмовать Мурманск не раньше, чем их и финские части выйдут к Кандалакшской губе и отрежут Кольский полуостров. Это понимал самый малограмотный боец - мой установщик трубки.

С наступлением дня (хорошо, не наступила еще полярная ночь) страх, может, и не исчез совсем, но чувство безысходной осужденности, неминуемой смерти притупилось. А когда прояснилось и «юнкерсы» налетели бомбить станцию, я и ребята мои вели огонь зло, но весело. Разогрелись. Ожили. Потом с аппетитом обедали. Громко обменивались впечатлениями. Однако ночь та запомнилась. Потому и хочется теперь пострелять по танкам.

К счастью, трагедии не произошло. Наши дивизии и моряки-североморцы контратаковали гитлеровцев и отбросили их за реку Западная Лица».

Первую батарею оставили в Дровяном. Вторая, где я тогда служил, вернулась в город, на прежние позиции, где имелись землянки, в которых можно было пережить суровую и длинную зиму. Сопка у Питьевого озера обживалась не только зенитчиками, рядом расположилась еще одна воинская часть. Ее связисты и протянули к нам из города радио. Сколько было радости! Как жадно мы слушали передачи! Это можно понять, если учесть, что газеты из Москвы приходили в Мурманск на шестой-седьмой день. Как раз столько времени шел поезд из столицы через Вологду и Онегу.

Кстати, о боеприпасах. Были бои, когда за сутки дивизион расходовал по тысяче снарядов. Артсклад! Однако не помню случая, чтобы мы не могли отражать налет из-за отсутствия боеприпаса. Бывало, что неделю мы не видели хлеба, ели пшенку и соленую треску. Но снаряды были всегда! Как не поклониться тем, кто в далеком или прифронтовом тылу вытачивал наши снаряды и заполнял их взрывчаткой, кто строил самолеты, делал танки и орудия. Эти люди тоже наращивали свое умение.

Уже в начале 1942 года наши 76-миллиметровые пушки были заменены большим, 85-миллиметровым калибром. Мы получили новые усовершенствованные приборы

управления артиллерийско-зенитным огнем (ПУАЗО.-2), а в 1943 году - первые радиолокационные установки (СОН).

Очень интенсивные бои мы вели в марте 1942 года. Прибыл большой караван судов от союзников. Спешно шла их разгрузка. Транспорты, ожидавшие причала или уже разгрузившиеся, рассредоточивались по заливу, но, не выходя из зоны прикрытия зенитных батарей и корабельной артиллерии эскорта. Стояли ясные и уже длинные дни с сильным морозом, градусов под тридцать. Фашистские самолеты бомбили порт и суда практически все световое время и даже ночью, вешая осветительные ракеты. Бомбили настойчиво, хотя и несли немалые потери от зенитного огня и от наших истребителей.

А вот неуклюжие английские «харрикейны» уступали «мессерам» в боевых качествах, и до боли было жаль советских и английских летчиков, которые гибли на этих устаревших машинах. 15 июня 42г 36 вражеских бомбардировщиков совершили налет на аэродром в Мурмашах и Туломскую ГЭС. Зенитчикам 426-го дивизиона удалось сбить строй «юнкерсов» с боевого курса и уничтожить пять самолетов. В ходе налета две вражеские фугаски замедленного действия упали в самом центре позиции первой батареи. В эти критические минуты героический подвиг совершил командир огневого взвода младший лейтенант коммунист И. Я. Майборода. Невзирая на смертельную опасность, он быстро извлек из земли и оттащил в сторону обе фугаски, спас личный состав и материальную часть батареи. За этот поступок И. Я. Майборода был награжден только что учрежденным орденом Отечественной войны I степени.

Командир огневого взвода 426-го ОКЗАД мл. л-нт И. Я. Майборода

18 июня 1942 года стоял жаркий для Заполярья день. И очень ветреный. В первой половине дня над городом на большой высоте прошли два вражеских самолета-разведчика. Бомбардировщики явились в полдень. Они шли волнами, по 15—20 машин. В общей сложности мы насчитали более восьмидесяти «юнкерсов» и «хейнкелей». Они не пикировали, как обычно, не сбрасывали фугасок. Они высыпали

тысячи и тысячи зажигательных бомб. В считанные минуты город, в основном деревянный, превратился в море огня. Пламя было таким мощным, что отдельные дома взрывались, как начиненные динамитом. Ничего подобного я после нигде не видел. В огне гибли люди.

Наша батарея стояла на сопке, пожалуй, в километре от ближайших домов. Но жара доставала и нас, слепила, обжигала до такой степени, что трескали волосы. Мы получили приказ сняться с позиции, но в этот момент ветер как бы повернул в другую сторону (при большом пожаре воздушные потоки меняют свое направление), и жара спала. Многие жители, старики, женщины, дети искали спасения на сопках.

Примерно через неделю после этого налета противовоздушная оборона Мурманска была резко усилена - прибыл 885-й ЗАП(зенитный артиллерийский полк) пятидивизионного состава. Наш 33-й ОЗАД был переброшен в Кандалакшу и прикрывал этот город до июня 1944 года. Защищая Мурманск, батареи 33-го ОЗАД провели 270 боев и сбили 36 самолетов противника. Дивизион был награжден орде-ном Красного Знамени.

Орудийный расчет 37-миллиметровой пушки 33-го ОЗАД. Слева

направо: сержант Юргилевич, рядовой Г Поляков, ефрейтор А Панюкова,

мл. сержант А Назаров, мл. сержант Н Казанцев.

М. Голев, бывший помощник начальника штаба 426-го ОЗАД г. Одесса: «426-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион (426-й ОЗАД) формировался в поселках Кола и

Нагорное в конце лета 1941 года на базе 33-го ОЗАД. Дивизион имел в своем составе две батареи среднего калибра, батарею МЗА, зенитно-пулеметную и прожекторную роты, службы и подразделения боевого материально-технического обеспечения.

Кадровый костяк образовали командиры 33-го ОЗАД, которые и заняли наиболее важные должности. Командиром 426-го ОЗАД стал лейтенант Тамразян, начальником штаба лейтенант Кабанов, командирами батарей: лейтенанты Капарьян, Галкин и Гоголев. Командирами орудий были сержанты Майборода (войну закончил заместителем командира дивизиона), Симиненко (войну закончил командиром батареи). Отделением ПУАЗО-2 командовал сержант Баранов, дальномерным отделением сержант Вольский.

Комплектовался личный состав дивизиона из призванных в армию по мобилизации. Большинство запасников было из Мурманска, Ленинграда, Архангельска и Вологды, в основном 1903—1915 годов рождения...

Однажды я стал свидетелем любопытного эпизода. Командир взвода лейтенант Цыганов, человек в возрасте, бухгалтер по профессии, получил ночью приказ: срочно подвезти из Колы в Мурмаши на 1-ю батарею партию боеприпасов. Лейтенант пошел искать шофера, разбудил его и сказал: «Товарищ Шарков, разрешите к вам обратиться». Тот взглянул на лейтенанта и ответил: «Не разрешаю», повернулся на другой бок и продолжал спать. Командир взвода не нашел ничего другого, как пойти к начальнику артвооружения Гайдину и доложить: так, мол, и так, Шарков не разрешает обратиться к нему, а как же его послать за боеприпасами? Это не анекдот, а быль, в которую сейчас трудно поверить.

1-я и 2-я батареи имели на вооружении 76-миллиметровые зенитные орудия образца 1931 года (по четыре в батарее) и ПУАЗО-2. Батарея МЗА получила шесть 37-миллиметровых пушек, а зенитно-пулеметная рота - счетверенные установки калибра 7,62 миллиметра.

1-я батарея заняла огневые позиции в районе поселка Мурмаши, прикрывая аэродром и Туломскую ГЭС. 2-я батарея базировалась в районе поселка Нагорное. Боевые точки зенитно-пулеметной роты размещались близ Туломской ГЭС. Батарея МЗА, получив орудия, в

первых числах сентября, заняла позиции на островке реки Туломы, имея задачу совместно с 1-й батареей и зенитно-пулеметной ротой прикрывать Туломскую ГЭС и аэродром.

Первый бой запоминается и остается в памяти на всю жизнь. В этом я убедился на собственном опыте, ибо лучше всего, в деталях помню именно первый бой.

В первых числах сентября 3-я батарея МЗА (командир лейтенант Гоголев) получила приказ совершить ночной марш из Колы в Мурмаши и занять позиции на островке реки Туломы. Где-то к середине ночи батарейцы прибыли в указанный район, привели в боевое положение орудия и приступили к оборудованию огневой позиции. А на другой день дежурный разведчик Козырев, обнаружив в воздухе «мессершмитт», подал сигнал тревоги. Зенитчики, прекратив работы, заняли боевые места. Вскоре показался немецкий самолет, летевший с небольшой скоростью вдоль левого берега Туломы в сторону ГЭС. Последовала команда лейтенанта Гоголева: «По самолету. Скорость сто десять, короткими... Огонь!»

После первых очередей гитлеровский пилот поспешил увести свою машину из зоны огня. За самолетом тянулся шлейф дыма, и вскоре в том направлении, куда удалился самолет, послышался взрыв. Наши истребители, поднявшиеся в воздух с аэродрома, потом сообщили на батарею, что вражеский самолет упал в сопки, и поздравили зенитчиков с победой.

Когда бой закончился, поступила команда доложить о расходе снарядов. Командиры орудий подсчитали стреляные гильзы. Вышло по 30—37 снарядов. Только командир орудия сержант Костаусов сообщил нечто непонятное: расход - пять, а остальные гильзы улетели вместе со снарядами. Выяснилось, что после первых выстрелов из-за перекоса снарядов в магазине орудие огня не вело. А командир в суматохе ничего не заметил. По этому эпизоду можно судить о качестве боевой подготовки зенитчиков в начале войны. Забегая вперед, отмечу, что сержант Костаусов стал отличным командиром орудия и был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1943 году 426-й ОЗАД получил новую боевую задачу; перебазироваться в город Мончегорск и прикрывать от ударов авиации противника комбинат «Североникель».

###

А. Жгунцов г. Гродно. «Летом 1942 года наш 885-й зенитный артиллерийский полк прибыл в Мурманск. Я получил назначение на должность старшего арттехника в 3-й дивизион, который защищал Туломскую ГЭС и близлежащий аэродром. Налеты фашистской авиации следовали один за другим. В мою обязанность входило обеспечение постоянной боевой готовности орудий, пулеметов и приборов. Мы с ребятами это делали неплохо, хотя случались и критические ситуации.

Первое боевое крещение мы, курсанты полковой школы, получили 24 июня 1941 года, когда несли охрану Туломской гидроэлектростанции и аэродрома в Мурмашах. Тогда мы отбили налет тридцати вражеских самолетов и очень гордились, что доверенные нам объекты удалось уберечь. Сейчас я на заслуженном отдыхе, воспитываю внуков, часто выступаю перед школьниками, рассказываю о тех героических годах, которые пришлось пережить нашему поколению».

###

Выборки из книги И Шамякина «Зенит». Многие события из боевой жизни дивизиона нашли отражение в романе «Зенит», который писатель закончил писать в 1986 году.

«...сопка, на которой стояла батарея, так обледенела, что на нее не могла вползти не то что автомашина, но даже гусеничный трактор. Как доставить снаряды?! Только на плечах людей! Огневиков не оторвешь: не вести огонь — преступление, за которое командир подлежит суду.

На снаряды бросили взвод управления - связистов, разведчиков, штабистов. А именно там больше девушек, новобранок первый отряд которых поступил всего какой-то месяц назад.

У командира батареи Горкавого хватило ума отдать приказ: из ящиков, которые понесут девушки, вынимать по одному два снаряда - сколько какая осилит. И все равно случилась беда: Надя Малинина (как на грех, еще фамилия такая — ласковая, запоминающаяся, на всю жизнь запомнилась) упала под тяжестью ящика с тремя снарядами, ударилась головой о камень и умерла.

Командир дивизии ПВО отдал приказ: бойцам-девушкам носить только по два снаряда от семидесятишестимиллиметровки (16кг один снаряд, ящик тоже кое-что весит). Однако позже о приказе забыли. Девчата натренировались, поздоровели, у нас они почти все старослужащие, а новички, наоборот, мужчины, призывники из освобожденных областей, старики вроде «бати», часто совсем немощные, силы некоторых едва хватит на половину такой тяжести, как ящик с полным комплектом. Военкоматы ошибочно полагали, что таким место в стройбатах да зенитных частях».

«Первая батарея, Даниловская – моя батарея, там я начинал службу...».

«Слово это, «Даниловская», впервые испугало четыре года назад, в мирное время, в тихую полярную ночь. Прошло недели две всего, как нас, безусых мальчишек, привезли в Мурманск, обмундировали, у кого среднее образование, тех зачислили в учебную батарею, познакомили с воинской службой и ее суровой (очень даже суровой в то время) дисциплиной, привыкать к которой вчерашним студентам, учителям, техникам было ох как тяжело. Но что особенно действовало, ежедневное напоминание командиров, что мы - не учебный, не резервный, как какие-то пехотные или артиллерийские полки в Рязани, Саратове или даже в Минске и Виннице, а боевой дивизион, которому доверено прикрывать с воздуха конкретные объекты: порт, железную дорогу, аэродром, электростанцию. Важность, значительность объектов выработало чувство огромной ответственности у каждого из новобранцев: как много нам поручено! О том, что прикрыть объекты такого масштаба в радиусе почти трех десятков километров тремя батареями семидесятишестимиллиметровых орудий, пулеметной и прожекторной ротами - нереально, Об этом не мог сказать никто из командиров, да и никто из нас, реалистов и даже в определенном смысле скептиков (пока не выбило наш скепсис), так не думал. Это мы, оглушенные, ошеломленные, поняли через восемь месяцев, в воскресенье 22 июня».

«Уверенность придавал полк истребителей И-153, И-16, которых прикрывали мы и которые в свою очередь должны были прикрыть те же объекты, встретить вражеские самолеты на подходе к Мурманску. Без тени сомнения верили мы в силу нашей артиллерийской техники, самолетов, как и в силу всей Красной Армии. В собственное

бесстрашие верили. И вдруг вместо привычного «Подъем!», который вскидывал нас с тесных нар как пружины, среди ночи, когда самый крепкий сон, зловещее, страшное: «Тревога!» Дневальный курсант крикнул испуганно, до срыва голоса.

Потом над этой первой тревогой немало смеялись: один курсант выскочил без штанов; без гимнастеров, без портянок, без ремней - многие. Я выскочил к орудию не в самом смешном виде, кажется, только портянки засунул за пазуху, над чем старшина незло пошутил. Но на всю жизнь запомнил, как колотилось сердце, до обморока, и как гадко, постыдно, кажется, на всю позицию, клацали зубы и предательски брэнчало подо мной сиденье наводчика».

А вот когда, сонного, будил пронзительный этот крик — «Тре-е-во-о-га!» - повторялось в какой-то степени то давнее ощущение; во всяком случае, пока не окажешься на своем боевом посту, так же предательски стучит сердце».

«Летом 1943г половина дивизиона болела куриной слепотой».

«На Кольском, в полярную ночь все время хотелось спать. Засыпали, стоя у орудий, приборов, в коротких паузах, когда в небе затихал гул «юнкерсов» или «хейнкелей». Однажды я, завалившись на бруствер, так уснул, что разбудил меня только близкий взрыв бомбы; не было отбоя, не было тревоги, не кричали, не били в рейку, молча ожидали очередную волну бомбардировщиков».

###

«Для батареи, той, в частности, где я командовал тогда орудием, «женская одиссея», как ее кто-то назвал, была катастрофой, хуже прямого попадания бомбы. Интерес к необычному пополнению развеялся как дым за два-три дня и у командиров, и у рядовых-мужчин. Парней, главным образом огневиков, ставших за полтора года войны асами, забрали для организации новых зенитных частей. А вместо них дали малограмотных девчат, боявшихся приблизиться к пушке. Да что там, обуться не умели - портянки накрутить. Их надо было учить, как говорят, от нулевой отметки. А когда учить?

В Кольский залив вошел караван. Немцы бешено бомбили корабли, порт. Как назло, погода стояла ясная, сильно морозная. Вражеская авиация целиком занимала три-четыре часа светлой поры полярной ночи. Нередко совершали массированные налеты и в полной темноте, вешали осветительные ракеты. Когда учить новобранок? Как? Поздней ночью? При строгом приказе экономить аккумуляторы? Куда ни кинь - всюду клин. Но заботы были не только с обучением. Возникло множество проблем, никогда до того в армии не известных, никакие уставы не разъясняли, как командовать женским войском. Приказы-инструкции, полученные вместе с прибывшими девушками, предусматривали оборудование отдельных помещений. В наших условиях - это землянки. Но построй их, вгрызись в скалу, когда бесконечные бои, тридцатиградусный мороз и... никаких стройматериалов. Раньше, летом, осенью, когда меняли позиции, в нелетное время мы спускались в город, разбирали склады лесоматериалов, подбирали что только можно в разрушенных бомбежкой домах.

Но кого можно было послать в то горячее время, когда номеров на ПУАЗО, на орудиях и так не хватало: попробуй не стрелять - трибунал.

Позднее некоторые приказы, сочиненные в высоких штабах, отменяла практика. Орудийный расчет спал в одной землянке, как братья и сестры в одной избе. Не раздевались. Сбрасывали кожухи, шинели и накрывались ими. Разместить иначе - ослабнет боевая готовность: от сигнала «Тревога!» до доклада командира «Четвертое готово!» должно пройти две минуты, не больше.

Девчат, не обученных еще владеть обычной винтовкой, не ставили на боевые посты. Из-за нехватки людей вынуждены были стоять сержанты - командиры отделений. Мужчины, и бойцы, и командиры, валились с ног от усталости. Проклинали баб. Эта мужская враждебность еще больше пугала несчастных, они вели себя как стадо пугливых овец, жались одна к другой, плакали. Но самым страшным было, что они обмороживались. С северных же краев, из архангельских, вологодских сел - и все равно обмороживались. А это уже ЧП. Старослужащему пришили бы «самострел». А за новобранок, еще и присягу не принявших, снова-таки отвечали командиры. Такой суровой ответственности не висело над нами, пожалуй, и в начале войны, когда мы не умели, по существу, даже стрелять. А что касается меня, то на плечах моих лежала двойная ответственность. Командир орудийного расчета, в который подбросили двух девушек, я был еще и комсоргом батареи.

###

И. Шамякин О Ванде Жмур «...Ванду прислали в конце сорок второго с первой группой девушек».

«...Ванда вначале показалась находкой. Самая образованная - два курса института. Ого! В то время немногие из командиров рот, батарей имели такое образование. Горожанка. Бойкая, без той деревенской стыдливости, застенчивости, что преодолевалась очень тяжело и доставляла командирам немало хлопот. А главное - Ванда многое умела. Владела винтовкой, пистолетом, автоматом. Умела не только стрелять, но разобрать, почистить. Знала звания, хотя это не научило ее субординации, обращалась к офицерам с фамильярностью, выводившей из себя командира батареи Воднева одно ее признание, биографическое. Якобы она правнучка участника польского восстания 1863 года, сосланного в Архангельск, об этом она рассказала сразу, когда командир, парторг и комсорг познакомились с пополнением. Но потом Ванда похвалялась перед девчатами прадедом - князем. Те смотрели на нее широко открытыми глазами - живая княжна!»

«...меня восхитила ее смелость: кто тогда признавался в своем дворянском происхождении?! До появления в дивизионе потомка княжеского рода Шаховского я такое впервые услышал от нее, от Ванды. И это позабавило».

«...по сравнению с теми деревенскими «ягодками», которые поезд впервые увидели, когда их везли в Мурманск, Ванда была фигура».

«Я лично подсказал командиру батареи сделать Ванду посыльной в штаб дивизиона, чтобы не отрывать никого из старых бойцов, которых не хватало для нормального ведения огня, караульной службы. Посыльный был одновременно почтальоном, доставлял письма, газеты на батарею. Его с нетерпением ждали».

«Ванда охотно ежедневно ходила на КП. А это была нелегкая работа, здоровые парни-связисты нередко молили о подмене. Во-первых, добрых километров двенадцать дороги в один конец, с северной сопки, где стояла батарея, на южную окраину, чуть ли не в Нагорновское. Идти нужно через весь город, к тому времени уже сожженный,

пустой. И все равно город бомбили - порт бомбили, станцию, но с той высоты, на какую мы загнали фашистов, бомбы рассеивались по всей городской территории. Да и не только остерегаться шальных бомб нужно было. При массированных налетах пилотам, конечно, ставилась задача подавлять наши огневые средства. А их в конце сорок второго было уже немало: только артиллерийских батарей, может, пятнадцать, не считая пулеметных установок, прожекторов, звукоуловителей. Да и армейские склады, разбросанные по всему городу, как их ни маскировали, разведчики выискивали - воздушные разведчики, да очень может быть, что и земные; читали нам приказ о выловленных в городе диверсантах, потому усиливались посты на всех объектах».

«Ванда трижды попадала в городе под бомбежку. Но не пугалась, рассказывала про «игру в прятки» от бомб как о веселом приключении, хотя у меня холодело сердце: погибнет шальная девчонка, не успев повоевать! ...наша посыльная нравилась в штабе, ее похвалил по телефону начальник штаба Семенов, а от него похвалу редко слышали».

«Ванде ставилась задача: при любых обстоятельствах возвращаться до наступления темноты. Ползти на обледеневшую сопку ночью - ноги поломать, был уже у нас такой случай; тракторы на нее взбирались в объезд, с северной стороны, а это далеко, да и моряки требовали специальные пропуска».

«И вдруг Ванда не вернулась. Из штаба сообщили: вышла, как обычно, еще в середине короткого дня ...куда могла подеваться девушка?»

«...Воднев позвал меня... все вы хотите подложить мне свинью! Все! Но ты подложил не мне. Нет, Шиянок, не мне! Себе! Что, дрожат коленки? Дрожат! Найти Жмур, живую или мертвую! И доложить! Исполняйте! Кругом! Марш!»

«Я выскочил из командирской землянки как ошпаренный. «Найти и доложить». Где найти? Более безвыходной ситуации не придумать. А дневальным у землянки стояла Глаша Василенкова. С первой девичьей командой прибыли две сестры - Катя и Глаша, близнецы. Если не считать Ванды, они были самыми образованными - по девять классов, из семьи районного работника, ставшего в армии комиссаром, в армию пошли девушки добровольно... «Я стоял у накрытого палаткой планшетного стола в полном отчаянье, растерянный до помутнения памяти. С чего начать? Куда кинуться?»

«...Глаша, будто в почетном карауле, неподвижно стояла у входа в командирскую землянку, она вдруг подошла, взяла меня за рукав кожуха, отвела от командирского пункта. «Хотите, командир, я скажу, где она?» «Кто?» «Да Ванда Жмур.» «Ты знаешь, где она?!»

«А Ванда не скрывала. Она рассказала нам, что познакомилась с английским офицером, она же немного знает английский. Офицер пригласил ее на танцы в гостиницу... Есть такая специальная гостиница для английских и американских моряков...»

Знаю я эту гостиницу. «Ну-ну...»...говорят, с «подушечкой» эта Ванда». «С чем?» «Ну, с «винтиком».- Глаша покрутила рукавицей около шапки».

Я вернулся в землянку и почти весело, чуть ли не как анекдот, доложил Водневу все слышанное от Глаши. В следующее мгновение уже было не до того.

Ушла «...С пакетом... почтой, с пистолетом».

Об этом я не подумал и согласился, что Ванда поступила неосмотрительно: а что, если пакет секретный?!

Воднев сорвался на крик и выругал ее площадными словами. И вдруг снова неожиданный приказ: - Вытащить ее оттуда, как сучку. Связать! Доставить на батарею. Я ей требуху выпущу. Ясно тебе, комсорг?» «Так точно». «Выманить Жмур из гостиницы и доставить на батарею». «Стой! — И вдруг совершенно другим голосом, спокойно, с командирской рассудительностью: - Ты же не вздумай врываться туда. Сечешь? Союзники! Тогда действительно не миновать нам трибунала. И тебе, и мне. Дипломатично...» Тяжело было понять этого человека! «Позвольте взять двух бойцов?» «Не мало?» «Не бой же нам вести с англичанами».

«Ну, смотри мне».- И погрозил кулаком.

Я вышел из землянки и остановился, ослепленный темнотой и снегом, больно секшим по щекам, по глазам. Начиналась метель. Полярная. Неожиданная, как часто бывает на Кольском полуострове. Хотя эту ждали: целый день пасмурно, несколько раз начинал идти снег. Можно было бы отдохнуть, поспать. Поспал!

Спускаться по южному склону нашей сопки еще тяжелее, чем подниматься. А в такую вьюгу... Но, в конце концов, не погода беспокоила. Выманить и привести. К тому же дипломатично. Легко приказать. Легко повторить приказ. А как исполнить? Кого взять на помощь?

И тут, словно снежные феи, возникли передо мной две фигуры. Сестры Василенковы. Глаша позвала Катю, обе они, конечно, слышали громкий разговор в командирской землянке, приказ Воднева. «Возьмите меня, командир,- попросила Катя.— Я выведу Ванду».

Сначала я чуть ли не разозлился: мало они мне подбросили проблем, эти чертовы бабы! Так еще и она, Катя, мой комсомольский помощник в девичьей команде, добавляет... Но внутреннее сопротивление возникло скорее от нежелания возвращаться к комбату, докладывать о просьбе Василенковой. Но тут же я рассудил: а зачем докладывать? Мне позволено взять двух бойцов, и я кого хочу, того беру. В конце концов, семь бед - один ответ. Лишь бы выполнить приказ.

Вторым я взял своего земляка, речницкого тракториста Василя Пырха. Парень с короткой летучей фамилией был настоящим богатырем, сильнее его, пожалуй, во всем дивизионе не нашлось бы человека. Понадобится - он на плечах, как овечку, донесет эту сумасшедшую Ванду. Да и любую из них. Но и по другой причине я взял его.

Василь лучше других знал город: чуть ли не каждый день ездил за боеприпасами, за продуктами, и первых дивизионных девчат привез на прицепе. Автомшины на обледеневшую сопку не взбирались. Потом рассказывал: «Насыпал их как мерзлой картошки. Только боялся, чтобы ни одна не вывалилась». Василь моему сообщению, куда и зачем мы идем, очень удивился и всю дорогу, пока спускались в город, высказывал свое удивление крепкими словами: «А ё моё! В поршень ее и в бобину! Вот зараза! Англичане ей нужны!»

«Постыдись, Василь,- девушка!» - кивал я на Катю, хитро делавшую вид, что ничего не слышит: так, дескать, плотно подвязала уши шапки. Катя хотя из семьи служащих, но была по-народному очень сметливой, практичной, расторопной. Глаше этих качеств не доставало, ее армейскую жизнь сначала усложняла излишняя застенчивость.

Ветер дул в спину, подгонял, и во многих местах мы не спускались на ногах, а съезжали на ягодицах. ЧП с Вандой переставало казаться таким трагическим, как изобразил его Воднев и настроил меня. Немного тревожила мысль, что у гостиницы есть охрана. Но Василь помнил, что внешней охраны нет.

Вот и знакомый трехэтажный дом, хотя метель поднялась такая, что всего дома не видно было, друг друга в двух шагах не различали. Но в нижних окнах из-под маскировочного картона кое-где цедились тонкие струйки света. Шире света из окон первого этажа лилась музыка. Красивая, но незнакомая. Нам с Василем незнакомая. А Катя мечтательно сказала: «Штраус». Василя музыка разозлила, он выругался. Я по рассказам наших моряков и летчиков знал, через какое пекло прорывались караваны судов. Немецкие подводные лодки встречали их далеко в Атлантике, а при подходе к норвежским берегам, к Рыбачьему их без конца атаковали пикировщики, рассыпали по курсу плавучие мины. Люди - и торговые моряки, и команды военных кораблей эскорта — совершали подвиг, исполняя союзнический долг. Нельзя их не уважать и нельзя осуждать, что в час отдыха они позволяли себе потанцевать. Пригласили нашу девушку? Ну и что? Почему нужно думать бог знает, что как тот Воднев?

Внешней охраны, к счастью, не было. Пустота. Свист ветра. И музыка. Практичная Катя, я, наверное, не сообразил бы, нащупала кнопку звонка. Двери открылись. Катя мышкой проскользнула в них. Но в полосе света я заметил милиционера. Мой оптимистический настрой упал: выставит он Катю. Нет. Побубнили за дверью голоса. Затихли. Ура! Молодец, Катя! Добралась до англичан. Или до американцев. Все равно.

Мы с Василем притаились за углом дома. Но так, чтобы ближе к двери, поэтому не спрятались от ветра, шли, взмокли даже, и нас, потных ледяной, рожденный, может, на самом полюсе, ветер за пять минут пронизал до костей. ...я засыпал. Василь тряс меня за плечи: «Командир, не спи, окоченеешь».

После очередного провала в сон и толчка Василя я осветил фонариком наручные часы. Полчаса, как ушла Катя. Сон исчез. Ударило в голову: а вдруг Катя не выйдет? Не знал я женщин, но разве мало слышал рассказов, да и читал, какие они коварные, хитрые, притворщицы? Что делать тогда? Под расстрел за невыполнение приказа Воднев меня не подведет - не дадут ему, комиссар дивизиона капитан Мирский у нас умный... На кой черт я взял эту Катю без его разрешения?! Не из моего же расчета - из отделения связи. А вместе с тем, что бы мы делали без нее? Высказал свои опасения Василю. Возмущенный, он загремел на весь Мурманск: «Ты что, командир! Да я всю гостиницу разнесу, а вытащу их, паразиток. Я им покажу танцульки!» Прошло еще десять минут... Двадцать... Полчаса.

Я умел оставаться завидно спокойным перед атакой на батарею армады «юнкерсов». А тут поддался такой панике, что впору натворить глупостей, кабы не мой земляк. Василь крыл матом Гитлера, войну, Воднева, баб, Заполярье, метель, но все это в таких неожиданных словосочетаниях, что хотелось смеяться, во всяком случае, брань его - вот удивительно! - не давала угаснуть надежде, что все кончится хорошо, возвращала веру в Катю.

Наконец из двери упал в метель, в снег сноп света. И они выскочили обе - Ванда, за ней Катя. Кому-то бросили слова прощания, засмеялись. Ванда не успела и одеться как следует: кожушок не запахнут, ремень и почтовая сумка в руках. Ее внешний вид почему-то особенно возмутил меня.

Я подскочил, выбил сумку, выхватил ремень, толкнув в плечо, развернул девушку, заломил ей руки назад и скрутил их. Ванда не сопротивлялась. Василь дал ей в плечи тумака ее же сумкой, набитой письмами и газетами, зло выругался. Катя ойкнула и испуганно попросила: «Мальчики, мальчики, не нужно так!»

«Мы вам не мальчики! Мы - командиры! А ну, вперед! Бегом!»

Но пробежали мы всего несколько шагов, даже Василю было не под силу: метель забила дорогу на улице, где от летнего пожара остались одни фундаменты....На проезжей части втыкались колышки. Кроме того, услышал всхлипы, не Ванды - Кати. Стало стыдно. «А на нее за что цыкнул? Ее благодарить нужно».

Пошли тяжелым ходом, меся снег. Ванда упорно молчала. Я понимал, что превысил власть: связывать руки не было необходимости.

И я ожидал, что в обиде гордая полька вывернет на меня не одну бочку архангельской портовой брани. Молчала. Странно молчала. Такая болтушка! В первые дни, пока немного не обучили, ни одному командиру не давала слова сказать. Значит, чувствует вину. Понимает, что не с фанфарами должны ее встречать с «английского бала». Неглупая же девушка. Однако не удержалась от искушения. Вот психологическая загадка, которую мне, командиру, комсомольскому организатору, следовало бы разгадать.

Остановились отдохнуть. Повернулись от ветра. Смахнули с лиц снег. А у Ванды волосы выбились из-под шапки, и налетевший в них снег свисал козырьком на глаза, на нос. Василь и перед тем несколько раз выругался и тут - снова, но не зло уже, скорее удивленно.

Катя сказала: «Товарищ командир, объясните ему, что так некрасиво».

«Пырх!», «Пырх - и нет пана?» - вдруг засмеялась Ванда. Вот чертовка! Выходит, с нее как с гуся вода. Хотелось увидеть ее плач, а она смеется.

«Что так долго?» — спросил я у Кати.

«А меня угощали кофе. С ликером, с пирожными. А потом я потанцевала...»

«И ты?!» Пырх снова не выдержал, но его крепкие слова на этот раз скорее от зависти за кофе, за ликер.

«А как вы думали? Не могла же я подхватить ее на руки и вынести: Ванда не дитя малое. Вы не думайте, что мы там одни танцевали. Там еще девушки были. Две врачихи. Две переводчицы... Буфетчица. Живут они там - будто и войны нет». Катя грустно

вздыхнула.

«Их тоже подстерегала смерть. От Англии до Мурманска...»

«Ты умеешь сочувствовать, солдафон?» - спросила Ванда с язвительной насмешкой.

«Я не ответил. А Катя... славная Катя, она и потом была нашей голубкой - всех мирила - тут же погасила и Вандино «солдафона», и мой возможный взрыв, снова приступила к рассказу: «А знаете, американцы не умеют танцевать. Англичане - так себе. Но француз там был из торговых моряков... Ну, мастер! Как я вальсировала с ним!»

Василь не выдержал снова. Да и я рассердился: и эта, чуть ли не лучшая комсомолка, радуется танцу с французом?! Как же их нужно перевоспитывать!

«Ну, нечего облизываться. И на батаре язык не распускайте! Ничего не было! Поняла? Никаких танцев. Никаких ликеров! Вперед! Марш!»

«Развяжите ей руки, командир,- попросила Катя.- Поскользнется - разобьет лицо. Вам это надо?» Мне не надо. И я развязал Ванде руки. Вспомнил, что она без рукавиц - может обморозиться, будет еще одно ЧП, уже по моей вине.

Ванда похукала на пальцы и вдруг громко и весело спросила: «А что, командир, если я отвешу тебе оплеуху?» Скажу честно, я испугался: такая сумасшедшая все может.

«Пойдешь под трибунал». «Серьезно?» «Как пить дать»,- подтвердил Пырх.

«В трибунал не хочу. Но считай, оплеуха за мной. Окончится война - получишь».

«Вот колтун на твою голову, земляк,- засмеялся Василь.- Но после войны и я подставлю свою морду. «Бей. А я буду целовать пани ручки. А теперь ты козыряй нам. На, надень мои рукавицы». «О-о! Пан такой желчный?» — удивилась Ванда.

А еще больше удивился я: у Василя, который не стыдился при девушках ругаться по-трактирному, вдруг такая галантность? Чудеса! Откуда у него? Вспомнил: когда везли нас из Гомеля, он рассказывал, что половина их деревни - шляхта, смеялся над шляхетскими соседями своими, особенно над девушками...

«Воднев обрадовался, что страшное для него происшествие, в общем, окончилось тихо, без скандального приключения.

«Василенковой объявим благодарность». «Не нужно, товарищ старший лейтенант».

«Ты считаешь, не нужно?» «Не нужно огласки».

«Правильно, не нужно огласки! Я давно говорю Соловьеву, что ты умный парень, Шиянок. Но скажи: а с этой... этой что делать?»

«Попросите командира дивизиона сплавить ее в другую часть. А то она выбросит еще не один фортель».

Воднев сначала как бы удивился, а потом удовлетворенно рассмеялся.

Действительно, с того вечера отношение ко мне Воднева и Соловьева значительно улучшилось.

А Ванду через неделю, в течение которой я даже ни разу не поговорил с ней, хотя и хотелось «повоспитывать» бывшую студентку, спланировали в организовывающийся новый зенитный полк.

Приключение с ней я рассказал Колбенко, Данилову, другим офицерам, пришедшим позже, в виде веселого анекдота. Не думал, что когда-нибудь встречу с ней. И вот она передо мной. Гора с горой не сходятся...

Выходит, не плохо служила, если за полтора года до старшины доросла.

Думать плохо о Ванде я не мог. С какой целью ты явилась к нам?

«Выйти за тебя замуж». «А что, с английским адмиралом не вышло?» Ванда захохотала: «Представляю, как вологодские сороки рассказывали тебе про адмирала. Помнишь, какие у них глаза были?» «Помню». «Даже ты поверил, верно ведь?»

«Ты не знаешь, что такое мистификация?» - «Почему, знаю».

«Смотри какой образованный! Потому тебя и выбрала. Могла выйти за генерала. А потом подумала: на черта мне старый кот, когда есть такой перспективный жених как ты».

«Чем же я перспективный?»

«Ты станешь профессором. Мне карты показали. Я умею ворожить. И карты у меня есть.- Она похлопала по планшетке.- «Хочешь, погадаю?»

«С тобой, Ванда, не соскучишься». «А ты думал, почему я приехала? Веселить вас

засушенных бубликов. Не знаешь разве? Введена должность - дивизионная веселуха. Звание - не ниже старшины». «Так и будешь заниматься мистификацией? Смотри - взбунтуюсь и... скручу ремнем».

По дороге встретили капитана Шаховского, козырнули. Он остановился, с интересом осмотрел Ванду: Откуда такой бравый прапорщик? Я удивился: почему прапорщик? Нет же такого звания. Ванда стукнула каблуками, по-военному представилась: «Старшина Жмур. Направлена штабом корпуса в ваше распоряжение. Командиром СОН-3.

Шаховский засмеялся. Так это вы? А мне так доложили, что я посчитал, Жмур - мужчина.

«Рада оставаться в своем женском звании, товарищ капитан».- «А вы веселая. Вы знакомы? «Это Ванда»». Та самая? - снова удивился Шаховский.- Ну, счастливо вам. «Что ты наплел про меня?» - строго спросила Ванда, когда капитан отошел. Ничего не плел. Рассказал правду. «Правда, она как резинка в моих рейтузах. Дознаюсь, что ты растягивал ее,- ощиплю, как старого петуха». «Как напугала! Так ты будешь командиром СОН-3?». «Думаешь, я и капитана мистифицировала?»

СОН-2 командовал лейтенант...»Училась я с твоими лейтенантами. Подполковник Чурко, доктор наук, схемы локаторов преподавал, называл их чугунными головами. А про меня говорил: золотая головка. Золотая! Слышал?»

«От скромности ты не умрешь». «А я вообще бессмертная. Потомок древнего рода».

«Между прочим, настоящий князь - вот он». «Кто?» «Капитан Шаховский. Потомок декабриста». «Правда?» — Ванда остановилась, посмотрела в ту сторону, куда пошел капитан, но он уже исчез с дорожки, и она махнула рукой.

«Не распыляй внимание». «Ты, Павел, конечно, мужлан, догадываюсь, почему ты сказал о нем. Но все равно я сделаю из тебя князя». От «князя» я рассмеялся.

Вообще же неожиданное появление Ванды странно подействовало на меня. Во всяком случае, Колбенко в тот же день заметил мой повеселевший вид. Действительно, я обрадовался появлению человека, с которым можно поговорить вот так свободно, на «ты», без всяких условностей, военных, возрастных».

###

«...Самые страшные видения... Полутонная бомба попала в котлован третьего орудия на второй день войны: семерых парней, с которыми прослужил в учебной батарее восемь месяцев, спал на одних нарах, ел за одним столом, ходил в одном строю, порвало на куски. Ни одного не узнали, не могли определить, где, чья рука, нога, не могли собрать тела, пока не приехал доктор и санитары из санчасти; мне стало плохо, я потерял сознание и командир батареи потерял...».

«В первый год войны в Мурманске батареям часто меняли позиции. Вряд ли перемены повышали эффективность обороны. Для командиров орудий, приборов, расчетов замена позиции, особенно в зимнее время, в полярный мороз, была страшнее атаки пикировщиков на батарею. Попробуй выдолбить котлованы в скале и для пушек, и для землянок. А тем более построить эти землянки; часто просто было не из чего. На новых позициях первые дни спали на скале, на морозе. Парни, особенно довоенного призыва, любили «крестить» начальство...»

«Тяжелее было девушкам: те не ругались - плакали от утомления, от неумения, от бессилия и ...обмораживались. Вот беда была! Говорят, женщины более выносливы. Верно. Но только не на холоде. Не выносят их пальцы, щеки полярных морозов».

«Зенитчики и летчики ПВО, оборонявшие Заполярье, занимали в системе ПВО страны одно из первых мест по количеству отраженных налетов, числу сбитых вражеских самолетов и продолжительности ведения активных боевых действий (1240 дней и ночей)».

###

«По числу бомб, сброшенных фашистской авиацией на каждый квадратный метр площади, Мурманск уступал только Сталинграду. За годы войны на каждого мурманчанина пришлось по 30 килограммов взрывчатки и по семь зажигалок».

«...Помешать работе постов ВНОС гитлеровцы пытались и путем засылки в их расположение специальных разведывательно-диверсионных групп. Так, 6 сентября 1943 года наблюдательный пост, где находились старший лейтенант Ф. А. Колпин, рядовые И. И. Филиппов и Т. О. Баранова, подвергся нападению группы вражеских диверсантов. Все трое бойцов, не исключая и девушку, оповестили о случившемся ротный пост и вступили в бой с врагами. Они мужественно держались, пока не пришла подмога, причем первыми на выручку подоспели летчики-истребители».

###

Из воспоминаний ветеранов войск ПВО.

«Тяжким делом была передислокация батареи. Умом все понимали, что менять позицию необходимо, что враг «пристрелялся», но уходить с обжитого места не хотелось. Знали, что придется опять носить на сопку пласты мокрого торфяника, чтобы выложить из него капониры для орудий, КП, землянки и т. д. Вся эта работа длится не день и не два, причем свою боевую задачу батарея обязана выполнять неукоснительно.

В эти дни мы страшно мерзли, так как обогреться и обсушиться было негде. Отдыхали, выбрав место посуше где-нибудь под скалой. Зимой нарезали ножовкой спрессовавшийся снег и из этих снежных блоков складывали капониры и так называемые землянки. Для перекрытий рубили кривые березки, поверх которых опять же укладывали снежные блоки, ставили дощатую дверь. Внутри устанавливали железную печурку. Хоть и держалась в таком «доме» нулевая температура, но зато не дуло, а у печурки можно было высушить портянки. Нары делали из тех же березок, застилая их мхом, а матрацем, подушкой и одеялом служила шинель».

###

Ю. Бахшинов г. Москва. «Летом 1942 года наш 885-й зенитный артиллерийский полк прибыл в Мурманск. Я получил назначение на должность старшего арттехника в 3-й дивизион, который защищал Туломскую ГЭС и близлежащий аэродром. Налеты фашистской авиации следовали один за другим. В мою обязанность входило обеспечение постоянной боевой готовности орудий, пулеметов и приборов. Мы с ребятами это делали неплохо, хотя случались и критические ситуации.

«В апреле 1943 года при налете у орудия одной из батарей осколком пробило ствол, а на другом орудии разворотило подъемный механизм. Таким образом, два из четырех орудий вышли из строя. Мы приняли решение снять с обоих орудий поврежденные части, а из уцелевших собрать одно. Провели эту операцию вручную, силами двух орудийных расчетов. Батарея повела огонь тремя орудиями. Ночью на грузовике съездили в артмастерскую, взяли запасной ствол, детали подъемного механизма и к рассвету восстановили и четвертое орудие. С уважением вспоминаю своих боевых товарищей командира дивизиона Стаценко, командиров батарей Рыкова, Гафта, Рыбалко и других.

###

А. Важанова, ветеран войны и труда, бывший приборист 1082-го ЗАП г. Пенза

«...наш полк направили на Север. Я была прибористкой ПУАЗО на 10-й батарее в расчете сержанта Калашникова. Командира батареи старшего лейтенанта Юханова все любили за твердость, справедливость и отходчивость. Рядом с Юхановым мы, девушки, преображались, чувствовали себя бодрее и увереннее.

Девушкам-солдатам было на войне тяжелее, чем мужчинам. Ходили в тяжелых кирзовых сапогах по многу километров, до крови натирая ноги, мучились от бытовых неудобств и, что там греха таить, от насекомых, не раз видели смерть товарищей.

Батарея и обороняемые нами объекты нередко подвергались бомбежкам, и мы без конца меняли позиции. Иногда вражеские самолеты вместо бомб сбрасывали ящики с песком и всякий железный хлам. Не знаю, для чего проводились эти психологические опыты, но наши бойцы посмеивались: «Все, кончился фашист, иссяк – уже пороха не

хватает». Однажды нашей батарее пришлось отражать подряд шесть налетов гитлеровской авиации. Зенитчики действовали умело и слаженно, особенно боевые расчеты Якимчука и Калашникова.

На Севере я заболела цингой, потеряла все зубы. Для профилактики нам давали пить отвар хвои, но это помогало не всем.

Однажды после очередной смены позиции батарее нужно было за ночь врыться в землю. К утру даже закаленные бойцы падали от усталости, у всех на руках вздулись кровавые мозоли, но все же удалось вырыть окопы и замаскировать позицию. Мучились не зря, налетели фашисты. Стволы орудий от непрерывной стрельбы накалялись докрасна, у прибористов и дальномерщиков слезились от напряжения глаза. В этот день было сбито несколько самолетов противника. Батарейцы спали по очереди не более трех часов в сутки, умывались ледяной водой. Жили мы в землянках с блиндажным перекрытием. Топили железную «буржуйку», почти не снимали обувь и шинели.

День Победы я встретила в Советском Заполярье, а после войны вернулась в институт, закончив его, получила профессию инженера-экономиста. Более 30 лет работаю на машиностроительном заводе.

На фронте с подругами, а ближе всех мне были Маша Штудент, Оля Авраменко, Неля Гизатулина, Нина Митрофанова, мы часто мечтали о дне, когда придет конец войне и наступит счастливое время – мир. И сегодня у бывших фронтовиков самое большое желание, чтобы никогда не было войны, чтоб люди жили под чистым мирным небом, чтоб всегда молчали, стояли в чехлах боевые орудия.

Женщины военного поколения вынесли на своих плечах столько работы и горя, выплакали столько слез, что всего этого с избытком хватило бы на несколько поколений. Годы выбелили нам волосы, набросили на лицо морщины, но не тронули души. Мы живем и трудимся, сохраняя светлую память о погибших. Не всем ведь посчастливилось остаться в живых...

###

Е. Никульшина г. Куйбышев. «...полк был переброшен на охрану Мурманска и Кировской железной дороги. В суровых условиях Заполярья девчатам, одетым в шинели и ботинки с обмотками, пришлось несладко: рыли ровики для пушек, строили землянки. Материалы, продукты, снаряды – все носили на руках и плакали навзрыд, когда не могли справиться с тяжелой ношей.

Обидно было и то, что некоторые командиры презрительно относились к девушкам-солдатам.

Конечно, нелегко приходилось и командирам. Нашему комбату Ивану Степановичу Гудкову в то время было 25 лет, но он умел держать себя в женском окружении, был требовательным, знал, когда надо пошутить, никогда не повышал голоса, в трудные минуты был заботливым по-отцовски.

Отбивая налеты врага, а их поначалу было очень много, мы подолгу не раздевались, не мылись и, как ни старались, не могли избавиться от насекомых. Будто праздник запомнился день, когда нас повели в баню, если так можно было назвать вагончик, где прожаривали одежду и была заготовлена вода для мытья.

Нужда – сестра находчивости: Маша Батракова и Шура Краснова неподалеку под сопкой обнаружили полузасыпанную землянку. Откопали мы ее, натаскали дров и валунов, выпросили у старшины Сотникова посуду, растопили снега и устроили себе мытье на славу. Правда, за работой не слышали сигнала тревоги и думали, что комбат влепит по нескольку суток ареста. Но Гудков принял другое решение – на вечерней поверке объявил нам благодарность за инициативу.

Командира своего мы уважали и любили, и, прежде всего за справедливость.

С осени 1944 года налеты на Мурманск прекратились, и у нас появилось свободное время. Девчонки стали вышивать полотенца, подушки, надергивая нитки из чулок, соревновались за чистоту и культуру в землянках.

После войны служба на Севере дала о себе знать: сказались и сон на снегу, и вечно сырая обувь, и пронизывавший до костей холод. В молодые еще годы ушли из жизни мои боевые подруги Маша Прилепина, Катя Котова, Зоя Зиборова. Стали инвалидами Шура Краснова, Лия Побединская, Ксения Зиборова. У Аси Яшиной после армии два года не было голоса. Очень долго лечилась Шура Гомочина. Сейчас она бригадир овощеводов в одном из колхозов Куйбышевской области. Много горя принес нашему поколению германский фашизм, отобрал молодые годы, и этого нам не забыть, пока живы.

###

А. Куликова Оренбургская обл. «Наш 1082-й зенитный артиллерийский полк родился в Сталинграде в дни, когда гитлеровские войска рвались к Кавказу и Волге. За 200 дней боев у стен Сталинграда полк много потерял бойцов и командиров. На смену погибшим приходили новые люди, в том числе и мы, девушки-добровольцы.

После Сталинградской битвы наш полк воевал в Сальских степях, а осенью 1943 года ночью быстро погрузил все свое хозяйство и отправился в Заполярье. Не помню станции, где мы разгружались. Помню только, что было темно, много снега и стоял лютый мороз. Орудия и боеприпасы перетаскивали на себе. Тяжело было, что и говорить. Но сознание долга помогало мне и моим товарищам, шоферам Юдину, Ромакову, Ерзунову, преодолевать все трудности.

На батарее требовалось сразу же рыть землянки, строить укрытия для людей и орудий. Мы падали от усталости, руки у всех были в кровавых мозолях. А после всего этого ведь приходилось еще стоять на боевых постах. Мне, например, выпало однажды охранять батарею. Стоять на месте было очень холодно, и я ходила по тропинке - десять шагов туда и столько же обратно. Но согреться не могла. Ног в кирзовых сапогах не чувствовала, невозможно было даже пошевелить пальцами. Когда меня сменили, обнаружилось, что ноги мои обморожены. Попала в санчасть, оттуда в госпиталь. Выздоровев, вернулась на свою 3-ю батарею.

Разведчик — глаза и уши батареи, и я опять всматриваюсь, вслушиваюсь в небо. Самолеты врага к весне стали появляться чаще. Однажды на позицию нашей батареи из-за сопки вышли сразу несколько Ме-109. Моя подруга Маша Егорова сумела

безошибочно и быстро определить курс вражеских самолетов и оповестить зенитчиков. Они вовремя открыли огонь, и самолеты рассеялись, не причинив вреда объекту.

Зимой 1944 года наша батарея стояла на сопке у Кандалакши, охраняя аэродром и город. Жили мы в небольшой землянке, жили дружно, помогая друг другу чем могли. Спали на нарах. Запомнилось, что всегда было холодно.

Прошли годы, в стране выросли новые города, а мы, бывшие солдаты, давно снявшие шинели, поседевшие и постаревшие, никак не можем забыть горьких дней войны, забыть своих боевых подруг и товарищей. И я частенько вспоминаю тех, с кем хлебнула лиха на батарее: Машу Егорову, Полину Баландину, Таню Дубен, Асю Лапшову, Веру Федорову, Женю Лаврову, Валю Тонконог, медсестру Олю Львову, комсорга батареи Шуру Дерябину, командира орудия Николая Вихрова, командиров батарей Рыжова, Юханова... Какой ужас - забыла имена!

Рано утром 9 мая 1945 года я шла на КП дивизиона, куда часто меня посылали с донесениями и за почтой. Подхожу и ничего не могу понять: гудят паровозы, люди стреляют в воздух из автоматов, обнимаются, машут руками. Подбегает какой-то боец и кричит: «Победа, победа!» Я со всех ног кинулась на свою батарею, а мне навстречу с сопки бегут мои девчата. Чуть не задушили друг друга в объятиях, целовались, плакали, смеялись. Через три месяца нас проводили домой. С войной закончилась и наша служба.

Встретиться с боевыми друзьями мне удалось лишь в 1980 году на волгоградской земле, где проходила встреча однополчан. Мы не узнавали друг друга: состарились, поседели, а, пообвыкнув, вернулись в молодость, резвились как девчонки и мальчишки. Кажется, то, что хотела написать - не получилось. Тяжело и писать, и вспоминать...

###

Н. Ошевская Свердловская обл. «В 1082-й зенитный артиллерийский полк я пришла в 1942 году добровольно. Зачислили меня в батарею старшего лейтенанта Емельянова. Он оказался замечательным командиром. Молодой, с железной выдержкой, когда надо, строгий, он пользовался у солдат уважением. Повезло мне и с подругами. Нина Митрофанова, Тоня Важнова, Аня Алексеева, Маша Коган, Аня Кутузова не боялись

никакой работы, в боях вели себя отважно. Считаю, что у нас на батарее были самые красивые и самые веселые девушки.

Когда, после боев под Сталинградом, полк прибыл в Заполярье, нашу батарею поставили охранять аэродром под Мурманском.

Из всех боевых дней запомнился случай, когда в зимнюю ночь я несла караул у батареи. В лицо бил сильный холодный ветер со снегом. Вдруг сквозь вьюгу мне почудилось какое-то гудение. Звук постепенно нарастал, и уже можно было узнать, что это рев нашего истребителя. Вышел командир проверять посты и остановился, тоже вслушиваясь. А самолет все кружил и кружил, надрывая мотор. Слышно было, что он делал развороты, заходил на посадку, а потом снова взмывал вверх. С аэродрома пускали ракеты, но летчик, наверное, их не видел. Вот он снова сделал разворот и пошел на снижение. Над нашими головами пронеслась серебристая тень, и было слышно, как застучали по полосе шасси. Мотор сбросил обороты и, наконец, затих. Летчик посадил машину почти вслепую. Мы вздохнули облегченно, а командир сказал: «Настоящий парень!»

Утром я узнала, что летчик в бою был ранен, шел на посадку с залитым кровью лицом. Остановил самолет буквально в двух метрах от стоянки другой машины.

Тогда, в войну, мы были молоды, любили жизнь, мечтали о будущем и дождались Победы. Считаю, что самая счастливая женщина на свете - это я. Прошла суровую школу войны, вырастила троих детей, имею внучат. Разве есть счастье большее?!

###

А Жгунцов. Г Гродно. «Первое боевое крещение мы, курсанты полковой школы, получили 24 июня 1941 года, когда несли охрану Туломской гидроэлектростанции и аэродрома в Мурмахах. Тогда мы отбили налет тридцати вражеских самолетов и очень гордились, что доверенные нам объекты удалось уберечь.

Летом 1942 года наша зенитная батарея, защищавшая Мурманск, провела один из самых тяжелых боев. Многие после него получили боевые награды. Мне был вручен орден Отечественной войны I степени.

Группы вражеских самолетов в тот день, сменяя друг друга, волнами налетали на город. Попутно бомбили и наши позиции.

От меня как наводчика орудия требовалась особая выдержка, чтобы не дрогнуть в момент, когда на тебя с ревом пикирует «юнкерс». Наши орудия уже сбили несколько самолетов, когда совсем рядом разорвалась бомба. Спас меня от смерти мой боевой товарищ, заряжающий Леонид Сидор. Оказалось, что меня, отброшенного взрывом, потерявшего сознание, полностью засыпало землей. Леонид сумел найти и откопать меня. Я был сильно контужен, потерял на несколько месяцев слух, но после лечения вернулся в строй и воевал до последнего дня войны. Сейчас я на заслуженном отдыхе, воспитываю внуков, часто выступаю перед школьниками, рассказываю о тех героических годах, которые пришлось пережить нашему поколению.

###

И. Гудков г. Набережные Челны. «Сентябрь 1943-го. 1863-й зенитный артиллерийский полк. Я командир 10-й батареи. По призыву ЦК ВЛКСМ «заменить мужчин в некоторых армейских частях». В войска ПВО стали прибывать девушки-добровольцы. Появились они и на нашей батарее, большинство комсомолки со средним и среднетехническим образованием, возраст двадцать-двадцать один год. Они заменили мужчин на приборе ПУАЗО, на дальномере, стали разведчицами, связистками, пулеметчицами.

Перед нами, командирами, остро встал ряд вопросов: как воспитать из девчат воинов-зенитчиков? Какие требования предъявлять к ним? Как учесть их физиологические особенности? Как разместить, обмундировать? И т. д.

Сразу обнаружилось, что многие из них ранимы, обидчивы, не любят, чтобы их принуждали, говорили с ними сурово. Но армия есть армия, где принуждение облечено в форму уставов и наставлений.

Согласно правилам, боевые расчеты орудий должны были размещаться в одном и том же месте. Поскольку в боевых расчетах были и мужчины, то мы, отступив от традиции, поселили девушек в отдельных землянках. Немало хлопот доставило обмундирование. Маломерных шинелей, гимнастерок не хватало, пришлось по мере возможности приспособливать, перешивать мужское обмундирование. Еще сложнее было с обувью.

Обучение работе на приборах и орудиях проходило одновременно с изучением уставов, наставлений, стрелкового оружия. Много уделялось внимания физической подготовке девушек.

В июне 1943 года на батарею прибыло новое пополнение девушек-добровольцев, которые уже на 85 процентов заменили мужчин на орудиях и приборах. В короткий срок научились уверенно и четко работать в боевых расчетах Ксения Зиборова, Клава Ермолаева, Рая Дюжева, Маша Долгих, разведчицы Нина Тетеревникова, Дуся Овчинникова, Ася Яшина, прибористы Анна Крюкова, Таня Карабанова, Зоя Зиновьева, Вера Дубина.

В ноябре 1943 года наша 10-я батарея получила приказ занять огневые позиции на сопке у поселка Дровяное. Орудия и приборы на расстояние более километра перетаскивали своими силами, причем орудия тащили в разобранном виде, так как они не имели ходовой части, а монтировались на крестовине.

Через несколько дней батарею уже пришлось отражать налеты авиации противника.

Несмотря на тяжелые условия службы в Заполярье, девушки-зенитчицы не падали духом. В свободное время пели песни, плясали. Комсорг батареи Таня Карабанова организовала художественную самодеятельность. Наши девушки добросовестно выполнили свой патриотический долг перед Родиной».

В завершение этой главы замечу. 68 лет прошло с той поры, когда прогремели последние залпы зениток на Кольской земле. Время многое сглаживает, предает забвению. Но сама природа надежно хранит память тех лет.

Когда совершаешь походы по окрестным мурмашинским лесам, часто попадаются то бывшие окопы, то траншеи, то блиндажи, то огневые позиции. Все это пообвалилось, изрядно заросло, покрылось дерном. Если остановишься и присмотришься к очередному углублению, память воочию дорисовывает былую картину. Много оборонительных сооружений за южной окраиной бывшего аэродрома, Теперь по тем местам ходят мурмашинцы за грибами.

И еще одно наблюдение. В тех местах нет пней от бывших деревьев. А вот подальше, километра 3-4 пни еще попадаются, иной в поперечнике до 50см, а то и больше.

На гряде сопок, что на юго - восток от Мурмашей, на самой вершине сохранились следы огневых позиций зениток крупного калибра. На одной из этих позиций командир огневого взвода младший лейтенант И. Я. Майборода откопал и выбросил за бруствер две упавшие и не разорвавшиеся фугаски, тем самым спас боевой расчет и орудия от уничтожения.

По рассказам жительницы Мурмашей Жоховой Валентины Александровны за санаторием располагались позиции девушек-зенитчиц. Ходил я с ней по тем местам. Мы искали камень, по воспоминаниям Валентины Александровны, на нем были написаны фамилии девушек. Не нашли. Обнаружили только две огневые позиции и две бывшие землянки.